

ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *МАНКУРТ*

У.Г. ГУСЕЙНОВА *

Тюркская этнокультурная лексика в русскоязычных произведениях известного киргизского писателя Чингиза Айтматова является выразителем свойственной данной этнической общности национальной культуры. В романе «И дольше века длится день» слово манкурт выделяется своим национальным и этническим содержанием. Образ манкурта, переданный Ч.Айтматовым в этом романе, стал настолько убедительным, что, сойдя со страниц произведения, не только поселился в массовом сознании, но внедрился в русский язык. Выявление и объяснение использованных в художественном тексте языковых, исторических, этнографических фактов, касающихся слова манкурт очень важны, так как они напрямую связаны с пониманием содержания и идейно-художественного своеобразия произведения.

В романе рассказывается старинная история о борьбе одного из древнетюркских племен – найманов с жуаньжуанами. Жуаньжуаны очень жестоко обращались с военнопленными. Они уничтожали память раба страшной пыткой. Суть этой пытки заключалась в натягивании на начисто сбитую голову пленного шири, т.е. сыромятной верблюжьей кожи. Пленный от неимоверной боли или умирал, или же лишался памяти – превращался в манкурта, в человека, не помнящего «ни имени своего, ни отца, ни матери, ни того, что с ним сделали жуаньжуаны...» (2, 303-304). Одним из таких пленных был сын Найман-Аны, не смилившейся с участью сына и попытавшейся своей любовью вернуть память сына. Найман-Ана была женой прославленного среди найманов человека, погибшего в сражении с жуаньжуанами. После его смерти сын Найман-Аны решает отомстить за своего отца и попадает в плен, где и превращается в манкурта. Найман-Ана отправляется на поиски своего пропавшего сына. Найдя сына, сколько не старается мать воскресить память сына, ей это не удается. Айтматов сравнивает память манкурта с «глухой дверью», в которую невозможно было пробиться. Автор, устами Найман-Аны, говорит, что можно отнять землю, можно отнять богатство и даже жизнь, но «кто придумал посягнуть на память человеческую» (2, 312). Когда мать видит, что ничто не трогает

* Гусейнова Ульвия Гусейн гызы – диссертант кафедры Тюркология БГУ.

ее беспамятного сына, она начинает великий плач, который, как отмечает Айтматов, до сих пор в памяти у казахов.

Эта история заканчивается трагически. Манкурт, по велению хозяина, без колебаний пускает смертельную стрелу в свою мать, платок которой превращается в птицу Доненбай. С тех пор место, где покоится Найман-Ана, называется Ана-Бейит (Материнский упокой).

Если сделать экскурс в историю, то слово **манкурт**, возможно, восходит к древнетюркскому **munqul** «неразумный, глупый, лишенный рас-судка» (6, 349). В современном киргизском языке встречается слово **mun-ju** в значении «калека (без руки или рук, без ноги или ног)», т.е. изувеченный человек. В монгольском языке находим форму «**мангуу**», фиксируемую в двух значениях: 1. тупой, глупый, слабоумный, 2. идиот, от которого образуется глагол **мангуурах**- «становится глупым, тупым» (9, 235). Учитывая взаимопроникновенность и взаимовлияние монгольского языка на киргизский, можно утверждать, что слово манкурт заимствовано из этого языка. Но данная лексема может толковаться с различными смысловыми оттенками. Возможно, слово **манкурт** могло образоваться и путем слияния двух древнетюркских корней **man**- «надевать пояс, опоясываться» и **qurut**- «высушенный», т.е. человек, на голову которого надевается пояс и высушивается.

Семантика слова «манкурт» вполне соответствует авторскому замыслу - показать изувеченного, изуродованного человека, лишенного памяти. Легенда о матери Найман-Ане и ее сыне-манкурте создана Ч.Айтматовым согласно достоверным, исторически реальным фактам. Из истории известна жестокость жуаньжуаней, народа который не имел единого этнического корня. Происхождение жуаньжуаней или жужаней, союза кочевых племен, обитавших в степях Западной Маньчжурии, Монголии и Туркестана в раннем средневековье, было необычным. Союз кочевников был сформирован из невольников, бежавших от жестоких господ, дезертиров – из армии, обнищавших крестьян. Л.Н.Гумилев справедливо отмечает, что их сближало, объединяло «не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекая их на нищенское существование и принуждающая их организоваться» (5, 12). Тюрколог их называет «уродливым пережитком Азии», чьи законы «соответствовали нуждам войны и грабежа» (5, 12). Потому и не случайно использование жуаньжуаней в легенде Айтматовым. Именно такой беспощадный, безродный, варварский этнос мог совершить такую пытку над человеком. Художественная реконструкция далекой исторической эпохи, в которую жила Найман-Ана и ее сын-манкурт, построена на прочной научно-исторической основе, создающей органический сплав достоверной картины далекого прошлого с мироощущением отдельного человека на определенной ступени развития человеческого общества. Эта легенда играет решающую роль в философской концепции мировосприятия автора (8, 103).

Хотелось здесь несколько слов сказать и о слове шири, которое име-

ет решающую роль в легенде о манкурте.

Шири – это сыромятная конченная кожа крупного скота, обычно идет на изготовление посуды. Исторически у киргизов существовал погребальный обряд, связанный с использованием шири. Из-за неблагоприятных обстоятельств (например, закрытия перевалов) приходилось отложить погребение умершего в другой местности. В этих случаях совершали все погребальные обряды, умершего заворачивали в шири. В таком виде труп вешали на высокое дерево. Весной увозили его на родовое кладбище или около какого-либо мазара в шири хоронили покойного (1, 326; 4, 64-65).

Исторически эта лексема встречается и в значении «колпак из сырой кожи, надевавшийся на голову наказуемого». Раньше это был один из видов пытки: когда кожа ссыхалась, она причиняла страшную боль. Это слово и использовал Ч.Айтматов в легенде о Найман-Ане и ее сыне-манкурте. Возможно, слово монгольского происхождения, в этом языке оно фиксируется в значении «кожа, шкура (крупного скота); сыромять» (9, 654). В киргизском языке наравне с лексемой шири фиксируются и производные **ширеш-** «слипаться, срастаться» и **шириле-** «надевать кому-л. на голову шири».

Помимо исторической достоверности легенда о манкурте имеет реальный фольклорный источник. Сам писатель в одном из интервью отмечает, что «в эпосе «Манас», одном из величайших сказаний киргизской истории, сказании тысячелетней давности, энциклопедии духовной жизни моего народа, есть строки, в которых один угрожает другому в случае победы натянуть ему на голову шири – сыромятную верблюжью кожу – и этой страшной пыткой уничтожить его память, отнять прошлое. Кроме этих сведений, больше ничего ни в литературе, ни в фольклоре, не сохранилось» (8, 104). К.Асаналиев, исследовавший фольклорный источник легенды – эпос «Манас», указывает на строки, рассказывающие о том, как на юного Манаса враги хотели надеть шири:

Balanı karmap alalık,

Başına şire salalık... (3, 591).

Хотя легенда о манкурте имеет реальный фольклорный источник, все же она является творением писателя, тесно переплетающего ее, с одной стороны, с судьбой Сабитжана, современного манкурта, и, с другой стороны, всей планеты, над которой нависла опасность. На Землю, кажущуюся из космоса «хрупкой, как голова младенца», натягивают «холодной рукой» обруч (своего рода шири) ракеты-роботы, возносящие над миром силы зла далекого прошлого. Эти люди без памяти пытаются лишить человечество будущего. Но автор надеется, что люди не потеряют историческую память, не уподобятся манкуртам.

Хотелось бы отметить, что первоначальное название романа было «Обруч». Айтматов в предисловии к электронной версии романа пишет: «Имелся в виду «обруч» манкуртовский, трансформированный в обруч космический, «накладывавшийся на голову человечества» сверхдержав-

ми в процессе соперничества на мировое господство... Однако цензура быстро раскусила смысл такого названия книги, потребовала найти другое наименование, и тогда я остановился на строке из Шекспира в переводе Пастернака: «И дольше века длится день».* Исходил при этом из того, что лучше поступиться названием, чем содержанием. Но в «Роман-газете» и в издательстве «Молодая гвардия» и такое название не нашло согласия. Потребовали более упрощенное, «соцреалистическое» название - и тогда явился на свет «Буранный полустанок».

Следует отметить, что в легенде Ч.Айтматов создает выразительные, поэтичные метафоры, позволяет читателю познать мироощущение, мировосприятие киргизского народа, сопоставляя новое с уже известным, открывая в них общее и объединяя под общим именем. Эти метафоры настолько оригинальны, необычны, что вызывают у читателя эмоции, помогают глубже осознать национальный колорит, представить то или иное событие или явление глазами, чувствами киргиза.

Особое место в стилистической системе романа занимает яркая метафора, передающая всю трагичность состояния манкурта: Найман-Ана, мать манкурта, - боз мая (сирая верблюдица), а ее сын – верблюжонок, набитый соломой. Плач Найман-Аны - это плач верблюдицы, пришедшей вдохнуть запах своего верблюжонка, он почерпнут Айтматовым из сокровищницы казахского народного творчества, до глубины души трогает читателя, в частности тем, что дается на казахском языке. Мысли героини из-за сильных душевных волнений не вмещаются в рамки русской речи, поэтому Найман-Ана говорит по-казахски.

*«- Мен ботасы олген боз мая,
Тулыбын келип истеген» (2, 312).*

Известно, что в тюркских эпосах метафоричный эпитет **мая** – верблюдица по отношению к женщине традиционен и имеет историко-этнические корни. Проф. Т.Гаджиев в монографии, посвященной анализу языка «Китаби-Деде Коркуд», отмечает, что слово **мая** с древних времен является ярким поэтическим образцом эпитета по отношению к женщине. Женщина всегда сравнивается с верблюдицей или овцой, потому как в противопоставлении богатство (верблюд, овца) и человек (женщина) конь как эпитет никогда не выступает. Конь в жизни тюрка занимал высшее, главенствующее положение, он являлся наипервейшей жизненной необходимостью, поэтому к женщине этот эпитет нельзя было отнести (7, 156-157).

Что касается метафоры **ботасы олген боз мая, тулыбын келип истеген**, боз мая вдыхает запах шкуры верблюжонка, набитого соломой или его тула. Тул – изображение умершего (обычно мужа, ставившееся над местом супружеского ложа). Отсюда, возможно, и слово дул со значением

* Ч.Айтматов. И дольше века длится день (Белое облако Чингизхана). Вся правда, девять лет спустя... (Предисловие к роману). <http://polustanok.narod.ru>.

«вдова» у тюркских народов, т.е. женщина, имеющая тул. У киргизов существовало распространенное представление о существовании души умершего, для этого после смерти ставили чучело – тул, в которое как будто бы входил дух покойника. В романе Айтматова жестокие варвары - жуаньжуаны с помощью особой мучительной операции над мозгом стирали память пленника и превращали его в живое чучело прежнего человека, то есть своего рода тул. Использование развернутой метафоры **ботасы олген боз мая, тулыбын келип истеген** глубоко философично, метафора создана на сходстве манкурта с тулом.

Мастерство Ч.Айтматова как писателя выражается в легенде о маннкурте также в создании плача Найман-Аны, стилистически представляющего собой речевой период. Еще эпосу «Манас» были присущи речевые периоды. Так академик Б.М.Юнусалиев, определяя синтаксические особенности эпоса «Манас», заключает следующее: «Синтаксические особенности языка эпоса связаны с грандиозностью его обжема. Для усиления темпа изложения поэтического материала в качестве стилистического приема широко используются длинные обороты с нанизанными причастными, деепричастными и вводными предложениями, порою в необычном сочетании. Такое предложение может состоять из трех и более десятков строк» (10). Ч.Айтматов, как известно, из народного творчества вобрал в себя все лучшее и ценное. В произведениях изучаемого автора чаще всего период строится как сложноподчиненное предложение с однородными придаточными. Приведем яркий пример такого речевого периода, своеобразного, присущего именно стилю Ч.Айтматова: «Не случайно ведь, причитая по сыну, превращенному в манкурта, Найман-Ана сказала в иступленном горе и отчаянии:

«Когда память твою отторгли, когда голову твою, дитя мое, ужимали, как орех клещами, стягивая череп медленным воротом усыхающей кожи верблюжьей, когда обруч невидимый на голову насадили так, что глаза твои из глазниц выпирали, налитые сукровицей страха, когда на бездымном костре сарозеков предсмертная жажда тебя истязала и не было капли, чтобы с неба на губы упала,- стало ли солнце, всем дарующее жизнь, для тебя ненавистным, ослепшим светилом, самым черным среди всех светил в мире?

Когда, раздираемый болью, твой вопль истошно стоял среди пустыни, когда ты орал и метался, взывая к богу днями, ночами, когда ты помощи ждал от напрасного неба, когда, задыхаясь в блевотине, исторгаемой муками плоти, и корчась в мерзком дерьме, истекавшем из тела, перекрученного в судорогах, когда угасал ты в зловонии том, теряя рассудок, сжедаемый тучей мушиной, проклял ли ты из последних сил бога, что сотворил всех нас в покинутом им самим мире?

Когда сумрак затмения застилал навсегда изувеченный пытками разум, когда память твоя, разжатая силой, неотвратимо теряла сцепления прошлого, когда забывал ты в диких метаниях взгляд матери, шум речки

подле горы, где играл ты летними днями, когда имя свое и имя отца ты утратил в сокрушенном сознании, когда лики людей, среди которых ты вырос, померкли и имя девицы померкло, что тебе улыбалась стыдливо, разве не проклял ты, падая в бездну беспамятства, мать свою страшным проклятьем за то, что посмела зачать тебя в чреве и родить на свет божий для этого дня?...» (28, 2, 302-303).

Для передачи психологического и физического напряжения, волнения, чувств, переполняемых мать манкурта, Айтматов использует повтор союза **когда**. В период, состоящий из трех сложноподчиненных предложений, последовательно нагнетающих силы однородных выразительных средств художественной речи, вовлекаются деепричастные и причастные обороты, однородные члены предложения. В периоде Айтматов использует разнообразные стилистические фигуры – многосоюзие, градацию, внутритекстовый синтаксический параллелизм, сочетающиеся с употреблением тропов, ярких приёмов усиления эмоциональности, образности речи – метафор, эпитетов, сравнений. Здесь придаточные предложения начинаются союзом **когда**, все более разрастаются, после них как кульминация замыкается главное, в котором заключена основная мысль, ответ на вопросы **когда?** Музыкальность и ритмичность периода достигаются его структурой, состоящей из нескольких однотипных, соразмерных синтаксических единиц, имеющих одинаковый союз **когда** и одинаковое грамматическое построение подчиненных предложений. Повторение их создает ритмический рисунок речи.

Данный период – это плач матери по изуродованному, изувеченному сыну-манкурту, сыну, потерявшему самое важное для человека, отличающее его от всех других живых существ – память: «-Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, - проговорила она вслух, - но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека» (2, 312). Айтматов создал плач, созданный в традициях киргизского и казахского героического эпосов. В уста Найман-Аны прозаик вкладывает песню-плач, написанную в форме жоктау (причитание по умершему у казахского народа), идеализирующем образ умершего и завершающемся жалобой на судьбу (8, 102). Найман-Ана протестует против насилия, учиненного над ее сыном.

Древнее казахское народное сказание о белом платке Найман-Аны, ставшем птицей Доненбай, является ключевым в романе «И дольше века длится день». Оно организует второй сюжетный план, связанный с манкуртами – людьми, потерявшими историческую память, такими, как Сабитжан, Тансыкбаев. Плач Найман-Аны включает в себе поэтическое начало и содержит стилевые особенности, присущие древним тюркским ритуальным плачам. Национальная специфика проявляется не только в тематике, но и в характере мышления, в своеобразном строе речи, что отражается в использовании тропов, фразеологизмов. Сохранению национальной самобытности плача содействует и использование слова манкурт, и песня-плач о сирой верблюдице, потерявшей верблюжонка, первые строки кото-

рого воспроизведены автором на казахском языке и пояснены в сноске («Мен ботасы...»). Тоскливый, отчаянный плач матери, как бы заново переживающей нечеловеческие муки, выпавшие на долю сына, имеет эмоциональный настрой, ритмику. В нем происходит постепенное нарастание горестных чувств, охвативших Найман-Ану при виде сына, потерявшего память.

Так, в художественном произведении любая языковая единица, в данном случае тюркское по происхождению слово манкурт, стало стилистически значимым, превратилось в средство художественной образности и выразительности. Под пером писателя это слово каждый раз как бы рождается заново; отражая особенности индивидуально-авторской манеры, оно всегда будет свежим и неповторимым. Ч.Айтматов, как искусный художник слова, творчески преобразил единицу языка, расширил рамки привычных способов отбора и соединения слов, приемов использования синтаксических конструкций и интонаций, внедрил слово манкурт в русский язык и, таким образом, обогатил написанное на этом языке произведение тюркскими средствами выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград: Наука, 1971.
2. Айтматов Ч. Собрание сочинений: В 3-х т. М.: Молодая гвардия, 1983, Т. 2.
3. Асаналиев К. Возрождение эпоса // Ч.Айтматов. Избранное. Фрунзе: Кыргызстан, 1983.
4. Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Л., 1972.
5. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.
6. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
7. Насыев Т. Dədə Qorqud: dilimiz, düşüncəmiz. Bakı: Elm, 1999.
8. Мамытбекова Ч.З. Фольклорные источники в романе Ч.Айтматова «Буранный полустанок» / Современный литературный процесс и творчество Чингиза Айтматова. СПб.: Фрунзе: КГУ, 1985, с. 101-109
9. Монгольско-русский словарь. Под общей редакцией А.Лувсандэндэва. М.: ГИС, 1957.
10. «Манас»: язык и стиль эпоса. Текст взят из статьи Б.М.Юнусалиева «Киргизский героический эпос «Манас». <http://www.kyrgyz.ru>

MANQURT SÖZÜNÜN ETİMOLOGİYASI HAQQINDA

Ü.H.HÜSEYNOVA

XÜLASƏ

Qırğız yazıçısı Ç.Aytmatovun rusdilli əsərlərində türk leksikası milli mədəniyyətin əsası kimi təqdim olunur. Onun «Əsrə bərabər gün» romanında manqurt sözü öz milliliyi, etnik məzmunu ilə seçilir. Məqalədə ilk dəfə olaraq qədim türk *manqurt* sözünün etimologiyası açıqlanır, onun qırğız tarixində, folklorunda yeri müəyyənləşdirir, dildəki üslubi məqamları göstərilir və Ç.Aytmatovun bu sözü hansı məqsədlə rus dilinə gətirməsi izah olunur.